

Путивльскаго; корреспонденты изъ послѣдняго пишутъ, что для освѣщенія употреблялась „смѣсь сала, масла и дегтя“, или „за недостаткомъ сала и масла, подмѣшивали деготь“, или „деготь съ примѣсью бараньяго жира“ и проч. Въ Обоянскомъ, Корочанскомъ и Тимскомъ уѣздахъ на ряду съ жиромъ домашнихъ животныхъ употреблялся рыбій жиръ. Подобныя смѣси были распространены и въ Рыльскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ говорятъ корреспонденты, употребляли „разные составы“. Далѣе, въ числѣ освѣтительныхъ матеріаловъ называются дрова и какой-то „крекъ“ (?), а также „лой“.

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы заключить, что работать въ ночное время было затруднительно, а потому освѣщеніе въ общемъ было непродолжительно, оно было, по отзывамъ корреспондентовъ, крайне неудобно, давало свѣтъ плохой, мерцающій (моргающій), распространяло дымъ, копоть или сирадь и угаръ, требовало чрезвычайно хлопотливаго ухода. Нелегка была и самая заготовка освѣтительныхъ матеріаловъ, а приспособленія для освѣщенія были прямо таки первобытны. Вотъ что пишетъ крестьянинъ деревни Пашковой, Чаплингинской волости, Курскаго уѣзда, Н. О. Пашковъ: „Лучина большою частью употреблялась изъ ясеня. Для освѣщенія гдѣ-нибудь въ стѣнѣ отыскивалась небольшая трещина, куда и вкладывали конецъ лучины, а другой конецъ зажигали“. Изъ другого уѣзда объ освѣщеніи лучиной сообщаютъ нѣсколько въ другомъ видѣ: „среди хаты ставился свѣточъ съ рогулей на верхнемъ концѣ, эта рогуля и держала зажженную лучину“. Изготовляли лучину такъ: части дерева, длиной въ 1 аршинъ, конечно, не толстыя, клали въ печь запаривать часа на 2—3, послѣ чего ихъ вытаскивали и разбивали обухомъ на мелкія части, стараясь сдѣлать ихъ какъ можно пощетиnistѣе, чтобы лучше горѣли, а потомъ уже окончательно высушивали въ печи. Потомъ перешли къ освѣщенію масломъ исключительно коноплянымъ. Для этого наливали въ небольшой черепокъ масло и опускали туда фитиль изъ ваты, концы котораго находились одинъ въ маслѣ, другой на окраинкѣ употребляемаго предмета (черепка). Этотъ конецъ зажигался и освѣщаль.

Нельзя не отмѣтить еще и того обстоятельства, что лучина въ разныхъ мѣстностяхъ употреблялась различная, и въ этомъ наблюдалось большое разнообразіе. Въ однихъ мѣстахъ она приготовлялась изъ тѣхъ или другихъ деревьевъ—дуба и дубовыхъ вѣтвей, клена, березы, осины, ясеня и проч.; въ другихъ изъ кустарныхъ породъ—изъ орѣшника, калины; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шли на лучину также пенъковая костра и, наконецъ, кое-гдѣ употреблялись крупныя травянистыя растенія, извѣстныя подъ общимъ именемъ бурьяновъ, какъ напримѣръ: чернобыль, будяки и проч.

Встрѣчаются корреспонденціи, указывающія, что богатые люди въ то время употребляли одни освѣтительные матеріалы, а бѣдные—другіе. Такъ, крестьянинъ В. Ѳ. Куцынъ, Лисичанской волости, слободы Казацкой, Грайворонскаго уѣзда сообщаетъ: „Болѣе зажиточные употребляли свѣчи, менѣе зажиточные жгли сало въ каганцахъ и лучину“. Затѣмъ, въ будни было одно освѣщеніе, въ праздники другое. Крестьянинъ Льговскаго уѣзда, Ивановской волости села Бапищи, пишетъ: „Дубовую и березовую лучину въ будни, а въ праздники салныя свѣчи собственнаго приготовленія и каганцы съ коноплянымъ масломъ“.

Приводимъ далѣе еще нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ